

«Русскій Провинціальный Некрополь» представляет естественное и необходимое продолженіе уже изданных Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ «Некропелей» – Московскаго и Петербургскаго.

Въ предисловіи къ первомъ тому «Московскаго Некрополя» Августѣйшимъ издателемъ показано значеніе надгробныхъ надписей для исторіи и генеалогіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснено печальное состояніе русскихъ кладбищъ, угрожающее стариннымъ памятникамъ съ находящимися на нихъ цѣнными надписями скорымъ и полнымъ уничтоженіемъ.

Можно было надѣяться, что на ряду съ успѣхами культуры и съ распространеніемъ просвѣщенія будутъ усиливаться нитересь къ старинѣ и ревность къ охранѣ ея памятниковъ, въ томъ числѣ и памятниковъ надгробныхъ. Но на дѣлѣ оказывается не такъ, и за послѣднее время въ печати было оглашено нѣсколько примѣровъ опустошенія кладбищъ и вопіющаго неуваженія къ памяти погребенныхъ.

Въ остроумно и горячо написанной статьѣ «Категорическая игуменья» («Новое Время» 1912 г., № 13037) обращается вниманіе общества на сдѣланное игуменіей С.–Петербургскаго Новодѣвичьяго монастыря объявленіе о томъ, чтобы «владѣльцы могилъ» немедленно «озаботились приведеніемъ въ порядокъ» могильныхъ памятниковъ, подѣ угрозой, что въ противномъ случаѣ «администрація монастыря» будетъ вынуждена «удалить все, нарушающее благоустройство кладбища». Авторъ статьи высказываетъ само собой напрашивающееся соображеніе, что «за удаленіемъ крестовъ, плитъ и прочаго, очевидно, получится гладкое мѣсто, которое можно опять пустить въ продажу». И авторомъ статьи является не какой–нибудь маловѣрный или даже иновѣрный человекъ, а Е. Поселянинъ, котораго никакъ нельзя заподозрѣть въ предвзятой враждебности къ Церкви и ея служителямъ.

Подобный же «разгромъ» памятниковъ, по проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ («Голось Москвы» 1910 г., № 18, цитир. въ предисловіи VII тома книги «Дворянское Сословіе Тульской губерніи»), будто бы уже благополучно приводится въ исполненіе въ Новодѣвичьемъ монастырѣ Московскомъ, гдѣ «сбрасываются старые памятники для продажи новыхъ мѣсть», а самые памятники «продаются на сквозь въ мраморныя заведенія».

Но «разгромъ» кладбищъ, якобы происходящій въ обоихъ Новодѣвичьихъ монастыряхъ, можетъ разсматриваться, какъ никѣмъ не санкціонированное, произвольное дѣйствіе мѣстныхъ игуменій, зависящее исключительно отъ ихъ личныя своеобразныхъ взглядовъ но пользы

монастырей и на интересы вкладчиковъ. Администрація же Московскихъ кладбищъ обнаруживаетъ намѣреніе производить такой же «разгромъ» своихъ кладбищъ на законномъ основаніи, съ утвержденія высшаго духовнаго начальства. Въ одной изъ газетъ («Московскій Листокъ» 1911 г., № 268) былъ опубликованъ проектъ «упорядоченія» Московскихъ кладбищъ, составленный комиссіей изъ представителей кладбищенскаго духовенства и кладбищенской администраціи. Этотъ проектъ, за полную достовѣрность котораго остается отвѣтственной сообщившая его газета, во всякомъ случаѣ вѣрно характеризуетъ общее направленіе дѣятельности кладбищенской администраціи. Эти правила, «всецѣло направленныя лишь къ тому, чтобы получить какъ можно болѣе денегъ съ публики при всякомъ случаѣ», предупреждаютъ, что «могилы съ крестами и памятниками сохраняются до 30 лѣтъ, а затѣмъ *продаются* (такъ прямо и сказано) другимъ лицамъ, если только ихъ не будутъ посѣщать родственники погребенныхъ и служить по нимъ панихиды, *обращаясь для этого къ кладбищенскому духовенству*». Несомнѣнно, что по истеченіи 30-ти лѣтъ со времени смерти у очень немногихъ счастливицевъ окажутся такіе родственники, которые въ заботѣ о спасеніи ихъ душъ «будутъ обращаться къ кладбищенскому духовенству» съ заказами на панихиды, и, слѣдовательно, только эти немногіе счастливицы сохранятъ, да и то на какой-нибудь еще десятокъ лѣтъ, право на свои могилы. Какая будетъ судьба останковъ владѣльцевъ назначенныхъ къ продажѣ могилъ, неизвѣстно, ибо кладбищенское начальство, заявляя съ завидной смѣлостью о своемъ правѣ продавать «выморочныя», если можно такъ выразиться, могилы, умалчиваетъ о томъ, что оно будетъ дѣлать съ костями такимъ лишенныхъ имъ правъ состоянія покойниковъ.

Такая мѣра противна не только православному взгляду на могилу, какъ на «вѣчный домъ» умершаго, но и правиламъ святыхъ отецъ, подвергающимъ «гробокопателей» на 10 лѣтъ отлученію отъ причащенія св. таинъ (Василія Вел., пр. 66; Григорія Нисскаго, пр. 7).

Если кладбища въ столицахъ беззащитны отъ «разгромовъ», то чего же можно ожидать хорошаго для кладбищъ въ глухихъ провинціальныхъ городахъ или въ деревенскихъ захолустьяхъ? Но этотъ вопросъ отвѣчаютъ вѣсти, идущія съ мѣстъ, отъ провинціальнаго приходскаго духовенства. Одинъ, напримѣръ, священникъ сообщаетъ, что у него въ селѣ кладбище «частью забито скотомъ, частью прихвачено подъ учадьбы»; другой не безъ горькой ироніи пишетъ, что у него на кладбищѣ «на двухъ дворянскихъ могилахъ были устроены два большіе пасятника, въ настоящее же время одинъ изъ нихъ усердіемъ христіанъ – жителей села П. разобранъ до

основанія, а другой до половины, почему надписей не оказывается ни одной».

Въ виду такого идущаго усиленнымъ темпомъ «разгрома» провинціальныхъ и прежде всего сельскихъ кладбищъ только изданіе «Русскаго Провинціального Некрополя» можетъ сохранить своихъ родовыхъ кладбищахъ въ могилахъ, по которымъ разгуливаетъ скотина, и съ которыхъ мужики растаскиваютъ по кирпичику монументы, уничтожая нерѣдко важныя для генеалогіи эпитафіи.

Для того, чтобы собрать на мѣстахъ данныя для «Русскаго Провинціального Некрополя», потребовалось бы организовать цѣлый рядъ экспедицій по Европейской и Азіатской Россіи. В виду сложности такого способа было рѣшено обратиться за нужными для «Некрополя» свѣдѣніями къ естественнымъ хранителямъ могилъ – духовенству всѣхъ исповѣданій. Остановившись на этой мысли, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ въ концѣ 1908 года выразилъ бывшему въ то время синодальнымъ оберъ-прокуроромъ П. П. Извольскому желаніе, чтобы сдѣлано было распоряженіе о представленіи православнымъ духовенствомъ нужныхъ Его Императорскому Высочеству свѣдѣній. Св. Сенодъ циркулярнымъ указомъ отъ 29 ноября 1908 года предписалъ представить Его Императорскому Высочеству изъ всѣхъ епархій «списки лицъ, погребенныхъ въ церквахъ и на кладбищахъ, съ точнымъ обозначеніемъ надгробныхъ надписей, сохранившихся на могилахъ духовныхъ лицъ, дворянъ и наиболѣе крупныхъ общественныхъ дѣятелей купеческаго и другихъ сословій». Одновременно съ этимъ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Министерства Внутреннихъ дѣлъ выразилъ готовность доставить свѣдѣнія о лицахъ, погребенныхъ на инославныхъ и иновѣрческихъ кладбищахъ.

Первое время списки погребенныхъ поступали очент туго. Духовныя лица большею частью даже не понимали, кого имъ надо вносить въ списки погребенныхъ и какія свѣдѣнія давать о внесенныхъ въ списки. Они все искали «крупныхъ общественныхъ дѣятелей» и дѣлали сообщенія въ родѣ того, что «изъ умершихъ прихожанъ мѣстной церкви болѣе или менѣе крупными общественными дѣятелями никто себя или не заявили, или не отмѣчены ни надгробною надписью, ни исторіей». Женщины, по мнѣнію большинства, ужъ никакъ не подходили подъ понятіе «крупныхъ общественныхъ дѣятелей», и, сообщивъ свѣдѣнія о такихъ-то дворянахъ, иной священникъ дѣлалъ огорчительную и дразнящую любознательнаго генеалога приписку въ томъ смыслѣ, что «остальные памятники рѣдкости не представляютъ, стоятъ они надъ прахомъ женъ, дѣтей и близкихъ

родственниковъ бывшихъ владѣльцевъ». Не мало горя причиняло и то, что многія духовныя лица искали все «назидательныхъ» надписей, а надписи, содержащія хронологическія даты, признавали «обыкновенными» и не подлежащими списыванію; сообщая лишь имена и фамиліи погребенныхъ, такія духовныя лица прибавляли, что «надписей, кромѣ обозначенія года рожденія и смерти, нѣтъ».

Вслѣдствіе этого 13 марта 1910 года Его Императорское Высочество обратился къ синодальному оберъ-прокурору съ просьбой о томъ, чтобы Св. Синодъ подтвердилъ свое постановление 1908 года; въ предупрежденіе встрѣчавшихся недоразумѣній къ оберъ-прокурору были препровождены особыя «правила», опредѣляющія, «какія лица должны быть внесены въ списокъ погребенныхъ», и «какія свѣдѣнія должны быть сообщаемы о погребенныхъ лицахъ». Св. Синодъ уже 15–20 марта 1910 года сдѣлалъ соотвѣтствующее постановление, и 27 марта былъ разосланъ подтвердительный указъ съ приложеніемъ вышеупомянутыхъ «правиль». Подтвердительный указъ приозвелъ желаемое дѣйствіе, и постепенно были доставлены свѣдѣнія почти изъ всѣхъ епархій, хотя, впрочемъ, для полученія нѣкоторыхъ, остававшихся въ доимкѣ свѣдѣнія въ концѣ 1911 года пришлось обратиться снова къ содѣйствію оберъ-прокурора Св. Синода. Послѣ «надлежащаго сношенія» оберъ-прокурорской канцеляріи съ Преосвященными тѣхъ епархій, откуда не были еще доставлены свѣдѣнія, къ іюлю 1912 года были получены списки погребенныхъ по всѣмъ епархіямъ.

Не всѣ присланные матеріалы отличались полнотою и точностью содержанія; не всѣ настоятели монастырей и церквей оказались на высотѣ своей задачи; нѣкоторые вовсе уклонились отъ присылки свѣдѣній; въ иныхъ было замѣтно желаніе лишь какъ-нибудь «отписаться» и отдѣлаться отъ приразившагося извнѣ искушенія. По приомотрѣ матеріаловъ приходилось многіе отсылать обратно въ консисторіи для исправленія и дополненія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ переписка велась непосредственно съ тѣмъ или другимъ монастыремъ или причтомъ.

Само собой разумѣется, что свѣдѣнія о святыхъ, князьяхъ и другихъ исторически извѣстныхъ лицахъ заимствовались изъ литературныхъ пособій.

Изъ списковъ, составленныхъ духовенствомъ, были извлечены главнымъ образомъ свѣдѣнія о мѣстныхъ помѣщикахъ=дворянахъ. Тамъ, гдѣ это можно было сдѣлать, сообщаемыя духовенствомъ свѣдѣнія свѣрялись съ имѣющимися въ печатной литературѣ данными. Прочія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ донесенія мѣстнаго духовенства, печатаются какъ матеріалъ, во всякомъ случаѣ имѣющій извѣстное значеніе для русской генеалогіи. Эти свѣдѣнія при нѣкоторой неполнотѣ и возможной неточности

иных хронологических дат (без чего, впрочем, едва ли может обойтись какой-либо труд по генеалогии) заключают нередко новые генеалогические данные, которые можно было добыть только на местах, а иногда и вносят поправки к сведениям, имеющимся в генеалогической литературе.

Духовенство вводится в «Некрополь» только в лица наиболее известных или заслуженных его представителей, купечество – в лица членов старых купеческих родов и людей, известных благотворительностью или широкой торгово-промышленной деятельностью.

Лица других сословий встречаются в «Некрополь» только в силу каких-либо обращавших на них внимание обстоятельств их жизни и деятельности. Все умершие, независимо от их происхождения, вводятся в «Некрополь» и в том случае, если на их памятниках имеются оригинальные эпитафии, сами по себе заслуживающие внесения в «Некрополь».

Мысль об издании списков погребенных по каждой епархии отдельно была оставлена, как приводящая ко многим неудобствам. Не знающий места погребения нужного ему лица должен был бы искать его по 60 отдельным алфавитам; занимающийся историей какого-нибудь рода должен был бы собирать сведения о членах этого рода из 60 отдельных списков. Все эти неудобства устанятся, если материалы будут сгруппированы по 4 районам, и каждый из этих районов составит особый отдел «Русского Провинциального Некрополя». В этом случае для производства справок будет нужно просмотреть не 60 алфавитов, а только шесть-четыре в «Провинциальном Некрополь», один в Московском и один в Петербургском.

Признано целесообразным сгруппировать материалы по следующим четырем районам.

I. Район Северный-губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская и Ярославская, с присоединением Финляндских монастырей Валаамского и Коневского, которых «некрополи» носят совершенно тот же характер, как «некрополи» вышеуказанных старых Велико-русских областей.

«Некрополь» этого района и предлагается в настоящем томе «Русского Провинциального Некрополя».

II. Район Южный-губернии Бессарабская, Воронежская, Екатеринославская, Калужская, Киевская, Курская, Орловская, Полтавская,

Рязанская, Смоленская (отнесена къ этому отдѣлу, какъ бывшая въ значительной своей части долгое время подъ владычествомъ Польши, по сходству въ этомъ отношеніи съ губерніями Малороссійскими), Таврическая, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Херсонская и Черниговская и область Войска Донского.

III. Раіонъ Восточный – губерніи Астраханская, Вятская, Казанская, Нижегородская, Оренбургская (съ Уральской областью), Пензенская, Пермская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Ставропольская (съ Кубанской областью), Уфимская, губерніи и области Кавказа, Сибири и Средней Азіи.

IV. Раіонъ Западный – всѣ губерніи съ преобладаніемъ въ высшихъ классахъ населенія польскаго, нѣмецкаго и шведскаго элементовъ, именно губерніи западно-русскія, царства Польскаго, Остзейскаго края и Финляндіи. Къ этому отдѣлу могутъ быть отнесены и свѣдѣнія о погребенныхъ на инославныхъ и иновѣрческихъ кладбищахъ, кромѣ погребенныхъ на инославныхъ и иновѣрческихъ (армянскихъ и мусульманскихъ) кладбищахъ Восточнаго раіона.

П. А. Россіевъ, Б. Л. Модзалевскій и В. И. Саитовъ представили Его Императорскому Высочеству собранныя ими лично надгробныя надписи, давшія возможность дополнить и провѣрить доставленныя съ мѣстъ свѣдѣнія о погребенныхъ; А. Н. Ильинъ представилъ Августѣйшему издателю «Некрополя» собранныя имъ свѣдѣнія о погребенныхъ по Вереискому уѣзду Московской губерніи.

Обработку и печатаніе собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ соизволилъ поручить подписавшему эти строки, преподавъ общія руководственныя указанія.

Настоящее предисловіе было одобрено и утверждено Его Императорскимъ Высочествомъ.

Считаю своимъ первымъ, хотя и до крайности печальнымъ, долгомъ съ глубочайшею благодарностью помянуть добрымъ словомъ покойнаго Александра Александровича Голомбѣевскаго, сдѣлавшаго такъ много для успѣшной организаціи всего этого дѣла. Совсѣмъ больной, онъ живо интересовался ходомъ печатанія «Провинціального Некрополя» и еще за нѣсколько дней до своей безвременной кончины (25 августа 1913 года) занимался редактированіемъ этого предисловія.

Приношу искреннюю благодарность моимъ сослуживцамъ по Московскому Архиву Министерства Юстиціи Н. П. Чулкову и Н. Н. Маркову за исправленіе нѣкоторыхъ недосмотровъ. Особую благодарность приношу

библіотекарю Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея Ю. В. Готье за широкое и предупредительное содѣйствіе при пользованіи мною литературными пособіями во ввѣренной ему библіотекѣ. Не могу не вспомнить съ благодарнымъ чувствомъ помощи того же рода, оказанной мнѣ библіотекаремъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи Н. Я. Совѣтовымъ, помошниками его А. И. Ковалевскимъ и С. Д. Щербакомъ и служащими въ Румянцовской библіотекѣ Н. Н. Боборыкинымъ и С. В. Филипповой.

*В. Шереметевскій.*